ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Правда для правды, а не для красы!
(Фёдор Достоевский)

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

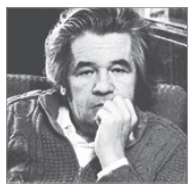
КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры Пермского края

№ 1 (23)
6 июня 2017 года

ПЕРМСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ: ЯНВАРЬ–ИЮНЬ 2017 ГОДА

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

Поздравляем, отмечаем, вспоминаем замечательных участников творческой литературной жизни в Пермском крае.



1 января – 90 лет со дня рождения известного детского писателя Льва Ивановича ДАВЫДЫЧЕВА – автора, создавшего Ивана Семёнова, Лёлишну и многих других персонажей счастливого советского детства.

11 января – 80 лет со дня рождения коми-пермяцкого прозаика Тимофея Павловича ФАДЕЕВА – автора нескольких книг, в т. ч. повести для детей «Весёлая грива».

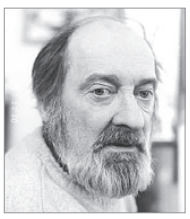
11 января исполнилось 60 лет известному российскому писателю Александру Борисовичу КЕРДАНУ – Заслуженному работнику культуры РФ, чей профессиональный творческий путь начинался в Перми.

21 февраля своё 75-летие отметил Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ – уральский поэт, талантливый литературный наставник подрастающего поколения творцов уральской и российской литературы.

28 февраля исполнилось 65 лет Вячеславу Ивановичу БУКУРУ – прозаику, члену Союза российских писателей (СРП), творящему в соавторстве с пермским автором – Н. В. Горлановой.

20 марта своё 90-летие отметил Василий Васильевич КЛИМОВ – старейший профессиональный писатель Пермского края, представитель коми-пермяцкого литературного крыла, член Союза писателей СССР/России с 1966 года!

30 марта исполнилось 65 лет Вячеславу Яковлевичу ДРОЖАЩИХ – уральскому поэту, члену Союза российских писателей, автору нескольких поэтических сборников, профессиональному журналисту.



3 апреля – 80 лет со дня рождения Алексея Леонидовича РЕШЕТОВА – российского (уральского – пермского, березниковского, екатеринбургского) поэта, чьё творчество стало нашим живым, родным, без сомнения, общенациональным литературным наследием.

6 апреля – 205 лет со дня рождения Александра Ивановича ГЕРЦЕНА – прозаика, философа, издателя, некоторое время проживавшего в Перми, автора нескольких произведений о Перми в частности и об Урале в целом.

19 апреля – 100 лет со дня рождения Вениамина Александровича КАВЕРИНА (наст. фамилия – ЗИЛЬБЕР) – в 1941–1942 годах писатель жил в городе Молотов/Пермь и работал над известнейшим романом «Два капитана».

23 апреля – 100 лет со дня рождения Олега Константиновича СЕЛЯНКИНА – офицера, педагога, прозаика, создавшего более 30 книг, посвящённых в первую очередь Великой Отечественной войне – подвигу советского народа над фашизмом.

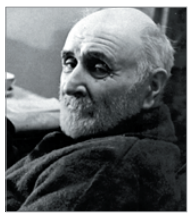
24 апреля – 90 лет со дня рождения Владимира Ильича РАДКЕВИЧА – поэта, автора «одически возвышенного», «официального» образа Прикамья, кавалера ордена Дружбы народов.

1 мая свой 50-летний юбилей отметила Ксения Борисовна ГАШЕВА – поэт, драматург, член СРП, дочь замечательного редактора-книжника Н. Н. Гашевой.

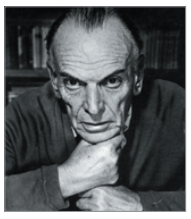
11 мая исполнилось 70 лет Галине Васильевне ЧУДИНОВОЙ – публицисту и краеведу, автору нескольких книг, почётному члену Пермской краевой организации Союза писателей России.

18 мая 60-летний юбилей отпраздновал Виталий Олегович КАЛЬПИДИ – известный российский поэт, член СРП, чья литературная творческая жизнь начиналась в Перми.

23 мая – 75 лет со дня рождения Николая Георгиевича КИНЁВА – журналиста, прозаика, известного уральского поэта, члена СПР – автора из пермской глубинки, рождённого в Суксунском, творившего в Кишертском районах Пермского края.

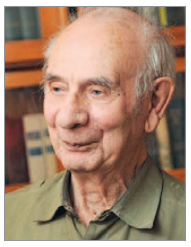


29 мая – 125 лет со дня рождения Ивана Сергеевича СОКОЛОВА-МИКИТОВА – талантливого певца природы, в годы Великой Отечественной войны жившего и работавшего на территории современного Пермского края.



31 мая – 125 лет со дня рождения Константина Георгиевича ПАУСТОВСКОГО – писателя, создавшего несколько произведений о Березниках и Соликамске, классика русской и советской литературы.

18 июня 60-летний юбилей отмечает Анатолий Павлович СУББОТИН – пермяк, автор ряда прозаических и поэтических произведений, член СРП.



20 июня – 100 лет со дня рождения Бориса Захаровича ФРАДКИНА – известного писателя-фантаста, пермяка, чьи книги были изданы в СССР, а также переведены на немецкий, румынский, чешский языки.

23 июня 65-летний юбилей отпразднует Юрий Александрович КАЛАШНИКОВ – известный уральский поэт, член Союза писателей России. Поздравляем!

СЛОВО РОССИИ

Алексей РЕШЕТОВ (03.04.1937–29.09.2002) Союз писателей СССР/ России

ЗЕНИЦА ОКА, РОДИНА МОЯ

* * *

Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ, без пушкинской строки;
Я не жилец, я сгину от тоски.

Владимир Даль

Владимир Даль, Казак Луганский,
В отставку выйдя, пишет сказки.
И даже сам Виссарион
Белинский
Ими восхищён.
Но в Академии имперской
Его пословицам и песням
Свободный вход не разрешен,
Зане народу служит он.
Увы, вошло в слепую моду
Натурой называть природу
И двести тысяч слов родных
Менять на насколько ввозных
Слов, супротивных, чужедальних.
О, как бы жили мы без Даля?
Кого бы Пушкин попросил
Поднять его, лишаясь сил?

6 ИЮНЯ – ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Александр КЕРДАН Союз писателей России, Екатеринбург

Свирель

Наивной истины искатель,
Всегда, как будто бы не там,
Поэт, затерянный в веках, –
Свирель у Господа в руках:
Она нема, пока к устам
Её не поднесёт Создатель...

ДОСТОЯНИЕ

К 80-летию со дня рождения А.Л. Решетова

Владимир ЗУБКОВ кандидат филол. наук, г. Пермь

«ВОЗЬМИ НЕМНОГО СВЕТА МОЕГО...»

(перечитывая Алексея Решетова)

Весной этого года минуло восемьдесят лет с того дня, когда в далёком Приамурье родился мальчик Алёша Решетов. Никто не мог знать, что спустя годы он вырастет в замечательного лирического поэта России, что окажется кровно связан с прикамской землёй своим творчеством и своей жизнью, которая продлится, увы, так недолго.

Вступление Алексея Решетова в поэзию ничем не напоминало новой кометы, с шумом и треском ворвавшейся в обжитое поэтическое пространство, как это произошло с его столичными сверстниками и современниками Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским...

И дело не только в том, что это вступление произошло в далёком от литературных ристалищ шахтёрском городке, на страницах маленькой газеты «Березниковский рабочий».

Продолжение на стр.4. ►

РЕШЕНИЕ О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ДОСТОЕВСКОГО I СТЕПЕНИ

принято на основании Постановления Президиума Пермской краевой организации Российского профессионального союза работников культуры № 16 от 25.04.2016 г. и ходатайства Правления Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России от 25.01.2016 г.

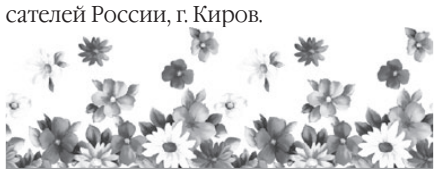
За создание значительных произведений литературного искусства, вызвавших общероссийский и международный читательский интерес и признание, а также за большой личный вклад в организацию литературного процесса в Донецкой Народной Республике, поддержание единства российского литературного пространства и творческое сотрудничество с писателями Пермского края наградить орденом Достоевского I степени **РУСАНОВА Владислава Адольфовича** – писателя, члена Союза писателей Донецкой Народной Республики, кандидата технических наук, г. Донецк.

За создание выдающихся произведений литературного искусства, вызвавших общероссийский и международный читательский интерес и признание, а также за большой личный вклад в организацию литературного процесса в Луганской Народной Республике, поддержание единства общероссийского культурно-исторического пространства и творческое сотрудничество с ПКОО «Союз писателей России» наградить орденом Достоевского I степени **БОБРОВА Глеба Леонидовича** – писателя, члена Союза писателей России, председателя Союза писателей Луганской Народной Республики, главного редактора сайта okopka.ru, г. Луганск.

За создание значительных произведений литературного искусства, вызвавших общероссийский читательский интерес и признание, плодотворное развитие традиций русской классической литературы, а также за большой личный вклад в организацию литературного процесса в Луганской Народной Республике и творческое сотрудничество с писателями Пермского края наградить орденом Достоевского I степени **ЧЕРНОВА Андрея Алексеевича** – писателя, члена Союза писателей Луганской Народной Республики, секретаря правления Союза писателей Луганской Народной Республики, заместителя главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья», г. Луганск.

За создание значительных произведений литературного искусства, снискавших читательскую любовь и признание, а также за большой личный вклад в дело поддержания межрегиональных литературных связей в Российской Федерации и творческое сотрудничество с писателями Пермского края наградить орденом Достоевского I степени **БУЛАНИЧЕВА Виктора Васильевича** – писателя, члена Союза писателей России, члена Высшего творческого совета СПР, главного редактора литературно-художественного журнала «Бийский вестник», г. Бийск Алтайского края.

За создание значительных произведений литературного искусства, вызвавших общероссийский читательский интерес и признание, плодотворное развитие традиций русской классической литературы, а также за большой личный вклад в организацию литературного процесса в Кировской области и творческое сотрудничество с Пермской краевой общественной организацией Союза писателей России наградить орденом Достоевского I степени **ПЕРЕСТОРОНИНА Николая Васильевича** – писателя, члена Союза писателей России, заместителя председателя Кировского областного отделения Общероссийской общественной организации Союза писателей России, г. Киров.



ЛИТЕРАТУРНАЯ ВСТРЕЧА

ПЕРЕД КОЛЛЕГАМИ

18 мая 2017 года в Доме учителя состоялась творческая встреча литературного сотрудника Пермского отделения Союза писателей России Олега Черняка с руководителями образовательных учреждений города. Вечер, который назывался «Душа не имеет возраста», организовал Департамент образования администрации города Перми в рамках приоритетного отраслевого проекта «КЛАССный директор».

Литературный портал «Что хочет автор?»
Международный Союз писателей
«Новый Современник»

ДИПЛОМ

ЛАУРЕАТА

Литературный конкурс «Новые имена»,
осень - зима 2016 года
награждается

Черняк Олег Аронович

победитель конкурса в номинации

Проза

Олег Черняк работает руководителем Центра образования Индустриального района. Несмотря на то, что уже изданы три его книги («Птица вольная», «Случайная закономерность» и «Время свободы»), а несколько рассказов напечатаны в российских и зарубежных журналах, автор не считает себя писателем, так как занимается творчеством только в свободное от работы время.

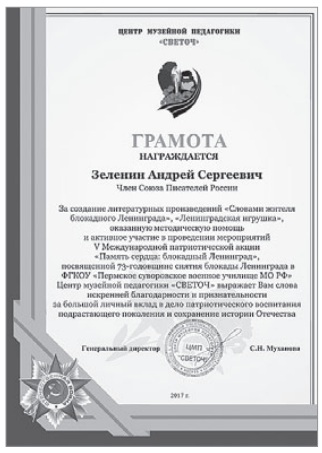
– Мы отвлеклись от дел на полтора часа и приехали на встречу, – говорит директор пермской школы № 136 Александр Удников. – Никто не пожалел. Замечательно провели время: поговорили, помечтали, поспорили. Мы, конечно, читаем книги Олега Ароновича и советуем их друзьям. Всем очень нравится. Написано легко и понятно. Хочу от всех пожелать нашему коллеге здоровья и творческих успехов. И с нетерпением ждём новую книгу, которая, как сказал автор, скоро будет издана.

Николай АРМА,
корреспондент газеты «Пермский писатель»

ОТ ВОЕННЫХ ЛЕТ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА:
пермская литература на международном уровне

В 2017 году в нашей стране прошла очередная, уже V Международная патриотическая акция «Память сердца: блокадный Ленинград». Она была посвящена 73-й годовщине снятия блокады Ленинграда.



ЦЕНТР МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ
«СВЕТОЧ»

ГРАМОТА
НАГРАЖДАЕТСЯ

Зелении Андрей Сергеевич
Член Союза Писателей России

За создание литературных произведений «Словами жителя блокадного Ленинграда», «Ленинградская игрушка», оказанную методическую помощь и активное участие в проведении мероприятий V Международной патриотической акции «Память сердца: блокадный Ленинград», посвященной 73-годовщине снятия блокады Ленинграда в ФГКОУ «Пермское суворовское военное училище МО РФ» Центр музейной педагогики «СВЕТОЧ» выражает Вам слова искренней благодарности и признательности за большой личный вклад в дело патриотического воспитания подрастающего поколения и сохранение истории Отечества

Генеральный директор С.Н. Муанова

2017 г.

Тысячи мальчишек и девчонок из разных стран (в первую очередь бывшего СССР) под руководством своих педагогов создавали видеоролики, читали стихи, рисовали плакаты – напоминания о далёком времени, о том, как важно помнить прошлое, чтобы в настоящем не допустить новой подобной беды.

В Пермском крае особо отличились воспитанники Пермского суворовского военного училища (СВУ) – суворовцы 3-й роты. Они заняли 1-е, 2-е и 3-е места в номинации «Рисунок», 1-е и 2-е места в номинации «Видео» и 1-е место в номинации «Плакат».

Вместе с руководителями будущих защитников Отчизны С. А. Зелениной и О. И. Резниченко свой вклад в победу пермских суворовцев на столь высоком уровне внёс пермский детский писатель Андрей Сергеевич Зеленин. На основе его стихотворения «Словами жителя блокадного Ленинграда» и рассказа «Ленинградская игрушка» были созданы видеоролики, признанные лучшими среди всех номинантов. Кроме того, А. С. Зеленин оказал методическую помощь в разработке сценариев маленьких фильмов, тронувших души как членов жюри, так и участников Акции и просто неравнодушных людей, просмотревших работы Пермского СВУ (а это не одна тысяча зрителей!).

Высокие награды получили и победители и руководители проектов, и Пермское СВУ и отдел воспитательной работы училища.

Грамотой Центра музейной педагогики «Светоч» (организатора и руководителя V международной патриотической акции «Память сердца: блокадный Ленинград») награждён и А. С. Зеленин. Его работы, посвящённые теме Великой Отечественной войны, ранее признанные на всероссийском уровне, теперь оценены на уровне международном. А это значит, что и пермская литература в целом в очередной раз напоминает миру: мы были, мы есть и мы будем. Поздравляем!

Анна СНЕГИНА,
г. Пермь

ДОСТОЯНИЕ

ПЕТЕРБУРГ РАССКАЗЫВАЕТ О КАМЕНСКОМ

В начале 2017 года Европейский университет в Санкт-Петербурге издал книгу «Василий Каменский. Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма». Составитель и научный редактор – Андрей Россомахин.

Фундаментальное издание создаёт яркий творческий портрет нашего легендарного земляка. Василий Каменский (1884–1961) – один из столпов русского авангарда, «мать русского футуризма», поэт, авиатор, драматург, художник, культуртрегер, витальнейшая фигура эпохи. Он экспериментировал также в области визуальной поэзии, создавая «железобетонные поэмы» и «стихокартины», сплавляя вместе поэзию, прозу, живопись и искусство жеста.

Сборник содержит ряд не публиковавшихся статей, стихотворений и автобиографических текстов Каменского 1910-1920-х годов. Вошедшие в книгу исследования впервые показывают Каменского во всём размахе его жизнетворческого темперамента: Каменский как пионер авиации, как первооткрыватель новых форм в поэзии, как циркач, как (само)рекламист, как дизайнер и типограф, как мастер перформанса, как поэт-орденоносец.

В издание включено более 300 иллюстраций; впервые собраны три десятка листовок и афиш Каменского, в том числе наполненных взрывной типографикой. Впервые публикуется масштабная иконография поэта – более 40 его портретов. Важным дополнением к этим материалам служат факсимильные воспроизведения редчайшей «Газеты Василия Каменского» и скандального «Моего журнала Василия Каменского» (1920 и 1922 гг.), а также полная иллюстрированная библиография, подробно аннотирующая все его прижизненные книги.

Новое издание устраняет многие «белые пятна» в биографии поэта. Заинтересованный читатель узнает здесь, как пьеса В. Каменского об авиаторах в 1912 году едва ли не стала фактом европейской литературы, как Каменский основал Всероссийский Союз поэтов, а затем высмеял всю поэтическую братию, как Мейерхольд зарубил актёрскую карьеру Каменского, а через двадцать лет назвал себя солдатом армии Каменского...

Одним словом, новая книга о Каменском – это капитальный труд, который в новом свете представляет весь творческий и жизненный путь поэта, писателя, драматурга Каменского.

Иван ЁЖИКОВ,
корреспондент газеты «Пермский писатель»

Имеется возрастное ограничение: данное печатное издание предназначено для читателей старше 16 лет (16+)

К 75-ЛЕТИЮ ФЁДОРА ВОСТРИКОВА

РОССИИ ПРЕДАННЫЙ ПОЭТ

Русский поэт Фёдор Сергеевич Востриков родился в совхозе «Батрак» (ныне посёлок Авангард) Алексеевского района Куйбышевской (ныне Самарской) области. Детство и юность поэта прошли в степном Заволжье, в родном совхозе «Батрак».

Окончил Куйбышевское культурно-просветительное училище, Пермский университет марксизма-ленинизма, отделение журналистики. Работал в клубах, школах, профтехучилищах Перми и Пермской области. Публиковался в альманахах, коллективных книгах и журналах страны, в том числе Санкт-Петербурга и Москвы.

Первый поэтический сборник «Отцовское поле» у него вышел в Перми (1979). На сегодняшний день член Союза писателей России Фёдор Востриков – автор почти сорока книг. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского на русский. Он, сын Заволжья и России, – дважды лауреат Пермского края в сфере искусства и культуры, награждён юбилейными медалями Г. К. Жукова, А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова, М. Ю. Лермонтова, кавалер ордена Достоевского I степени, почётный гражданин Алексеевского района Самарской области. Часто выступает по краевому Пермскому радио и телевидению.

Поэт более 30 лет ведёт литературное объединение «Тропа» в Пермском городском Дворце детского (юношеского) творчества.

Иван ГУРИН,
Союз писателей России, г. Пермь

ЗЕМЛЯ

Фёдор ВОСТРИКОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

ИСТОРИЯ – ДРЕВНЯЯ КНИГА

История

История – древняя книга –
Вещает нам горькую грусть:
Татаро-монгольское иго
Терзает набегами Русь.
В крови, как в багряном тумане,
Кипела огнём круговерть.
Не плен выбирали славяне,
А битву – победа иль смерть.
Сплотились. Орду победили.
Рассеялся дым на ветрах.
Лежат в куликовской могиле
И русич хоробрый, и враг.
Но только, где русичи пали,
Воинственные мужики,
На поле из травушки встали,
Как память о них, васильки.
А там, где поганое иго,
Метущее некогда зло,
На чёрных, как туча, кулигах
Татарниками проросло.

Урал

Край уральский навеки любимый,
Мой особенный русский уют,
Где стучатся в окошко рябины,
И уралочки спать не дают.
Ты, Урал, всех добрее и проще.
Запоёшь – и тебя не унять.
Соловьями в берёзовых рощах
Задушевные песни звенят.
В самоцветах купаются горы.
И куда не посмотришь – леса.
Плещет лебедем Камское море,
Отражая в себе небеса.
Крепость духа, влюблённость и силу
Ты поистине в сердце вобрал,
Милый край, – ожерелье России –
Вечно юный и древний Урал.

Дед

Денис Михайлович – мой дед.
За век познал немало бед:
Крещён японскою войной,
Контужен первой мировой.
На стыке взорванных эпох
Кормил в окопах вшей да блох.
Прошёл и боль, и смерть, и страх.
Домой вернулся – грудь в крестах!
Пахал и жал – он труд любил.
Он раскулачен дважды был.
Хоть жизнь недоброю была –
Не затаил на сердце зла.
Лечился пляской под гармонь,
Частушкой знойной, как огонь.
И начинал опять с нуля.
Давала силушку земля.
Срубил избу среди степей.
И сад разбил. Поднял детей.
Когда от тяжких ран устал,
То внукам землю передал.
С тех пор промчалось много лет.
Лежит в степи мой древний дед.
Где был погост, где сад, изба,
Теперь ерошатся хлеба.
Из тьмы ромашкой, васильком,
Полынью горькой, колоском
Глядит, даруя людям свет,
Денис Михайлович – мой дед.

Изба

Памяти матери

Свистит пурга над ветхою трубою.
Горбатится от снега городьба.
Не назову теперь избу избою –
Да разве, мама, без тебя изба?!
Не пахнет хлебом. Холодно и тихо.
Ни лампы керосиновой в ночи.
Не греет кости баба Кузнечиха,
Дерюгою прикрывшись, на печи.
В углу повыцвел Николай Угодник,
Что рисовал Колодин Геродот.
С тобою, мама, кажется сегодня
Остановился востриковский род.
Хотя живут и правнуки, и внуки,
Хотя живут на свете сыновья.
Но как нужны твои родные руки,
Но как нужна добриночка твоя!
Зима сменяется весною синей.
И снова степь полынная в цвету.
Спасибо, мама, что любить Россию
Учила нас, как вере в доброту.
Иду к тебе кладбищенской тропою,
От кашки до шалфея даль светла.
Да разве назовёшь избу избою
Без твоего сердечного тепла?..

Михайловские рощи

Шумят Михайловские рощи,
Да не шумят, а даль поют.
И чем древней они, тем проще,
Зовут в извечный свой уют.
Где живы графы и крестьяне,
И первозданны дом и двор.
За самоваром Пушкин с няней
Ведут о сказках разговор.
Фольклором, песней, рукодельем
Пленяет Пушкина она.
А в гости едут Пущин, Дельвиг –
И вновь пирушка допоздна.
В речах гудит Лицей, как пчельник.
Друзья, какая ссылка тут,
Когда, как прежде, в час вечерний
В Тригорском Осиповы ждут?!
Скорей коня! Долой волненье.
На плечи плащ. И за порог.
Летит он к чудному мгновенью,
Как самый дерзостный пророк.
В душе «Онегин» и «Цыганы»,
«Арап Петра» в душе кипит,
А всадник скачет сквозь туманы,
Сквозь время вещее летит.
Бессмертье вихрем плащ полощет,
А Пушкин мчится, гой еси!..
Шумят Михайловские рощи,
Да так, что слышно на Руси!

На свете женщина живёт

На свете женщина живёт,
Меня не любит и не ждёт,
Не ждёт ни писем, ни вестей.
Хранит очаг. Растит детей.
Давно меня среди тревог
Она забыла, я – не смог.
Не смог тогда, смогу ль теперь,
Пройдя сквозь тысячи потерь?
Прошу прощенья у жены,
Что не жена приходит в сны.
Всё та приходит, в даль маня, –
Не полюбившая меня.

Не отрекусь...

Глазами полузрячими избушек,
Что горбятся, как бабки, у плетня,
Глазами керосинок и коптушек
Глядела Русь на юного меня.
А я-то знал, что вырасту и ринусь,
Хоть сколько ни случись в дороге бед,
Сквозь тьму тайги и жуткий мрак равнины
Увижу белый выстраданный свет.
И тяжко было, больно и жестоко.
Кровавя душу, предков не корил.
Узрил я Русь и Пушкина, и Блока,
Святую Русь Есенина узрил.
Высоко в небо птицей поднимался,
Развенчивая подлость и покой.
Как пахарь, в землю отчую вгрызался
Душой и поэтической строкой...
Не отрекусь от вымершей коптушки,
От Брестской крепости не отрекусь.
Во мне, как жизнь, и Родина, и Пушкин,
Во мне, как жизнь, есенинская Русь!

* * *

Суждено умереть одному
На казённой больничной кровати,
А другому – не в белой палате,
А в родительском старом дому.
Где-то мой подступает предел?
Не хотел бы навеки забыться
Ни в отцовском дому, ни в больнице –
Умереть бы я в поле хотел.
Где отец? Если спросят детей,
И они беспечально ответят:
«За цветами ушёл на рассвете,
И домой не вернулся с полей».

На пляже

На пляже никого. Река пустынна.
Хозяйничает осень. Тишина.
И лишь тропу любовно краской дынной
Раскрашивает сонная луна.
Не верится, что здесь когда-то бодро
В июльский полдень – зноен и высок –
Красавицы впечатывали бёдра
В разгорячённый ветреный песок.
Подставив солнцу руки, грудь и плечи,
Подчёркивали прелести рекой.
По ним скользили, жаждущие встречи,
Пожары глаз компании мужской.
Теперь, увы! Луна тропинки пишет.
Под осень пляж, конечно, опустел.
Но всё-таки песок неслышно дышит
Теплом и тайной высвеченных тел.

Сыны Бородино

В земле, в былинных травах,
В столетьях спят давно
Воители Державы,
Овеянные славой,
Сыны Бородино.
В пылу лихих сражений,
Чего ж теперь скрывать,
Учили нас терпенью
И как из поражений
Победы добывать!
Уроки преподали –
Святей молитв слова!
Когда леса рыдали,
Когда пылали дали,
В огне Смоленск, Москва...
А вы – свои народы
На правый бой вели.
Враги любой породы,
Отребье разных сбродов
Бежали, как могли.
А вы торжествовали
Вперёд на много лет.
Вовек не забывали –
Над миром воздвигали
Полотнища побед!
И нас учите браво,
Как было вам дано,
Воители Державы,
Овеянные славой,
Сыны Бородино.

■ ДОСТОЯНИЕ

«ВОЗЬМИ НЕМНОГО СВЕТА МОЕГО...»

(перечитывая Алексея Решетова)

◄ *Продолжение. Начало на стр. 1.*

Было Решетову тогда восемнадцать лет – возраст, когда много определяет жажда признания, когда первая публикация – первая радость. Те стихи в местной газете не были оснащены для успеха ни броскими призывами, ни обнажёнными откровениями, не отличались парадоксами или модной рифмовкой. Читатели могли их и не заметить, не выделить в ряду иных прочих. Но для самого автора типографский шрифт, печатные строчки, которыми стали его думы и чувства, явились признанием – признанием ответственности за слово.

Скромность стихового обличья была и осталась неизменным свойством всего, что Решетов написал, без упоминания её не обошёлся ни один рецензент его стихов. И всё же стихи были замечены. В 1960 году – первая книжечка, тоненькая «Нежность», в местном издательстве. В январе 1961 – первая рецензия в областной молодёжной газете. За год до выхода «Нежности» – подборка в солидном альманахе «Прикамье», стихи о выборе пути в жизни, о близкой сердцу земле.

Её волненьем загораясь,
Я с ней грустить и петь хочу,
И тоньше чувствовать стараюсь,
И жить красивее учусь.
Мне самому охота стать
Порою тёплым огоньком...

Этот образ – желание стать огоньком для людей – годом позже развернул Михаил Светлов, старший брат Решетова по доброте и человечности стиха:

Я желаю и присно и ныне
Быть родителем огоньков.
Я желаю, подобно осине,
В сотни втиснуться коробков.
Чтоб носили меня, зажигали,
Чтобы я с человечеством был,
Чтоб солдат на коротком привале
От меня, от меня прикурил...

Могут возразить: Решетов рядом со Светловым – натяжка, перебор. Убеждён: нет. И дело не только в причастности обоих к «тёплому телу искусства», а в глубоком человеческом родстве, полном отсутствии тщеславия, позы, суетности в творчестве. Решетов может быть в той же мере адресатом слов, с которыми обратился к Светлову в день его 60-летия Вениамин Каверин: «Никогда и никому я не завидовал. Кроме вас... Я завидую тому, что вам ничего не надо. Все мы в этой нелёгкой жизни о чём-то хлопочем, чего-то добиваемся, куда-то торопимся, иной раз больно толкая друг друга локтями. Есть нечто величественное в том, что вы никуда не торопитесь и ничего не требуете».

Решетов избежал соблазна издаваться быстро и легко – ведь при его естественном умении слагать стихи и заводской профессии мог бы оседлать индустриально-уральскую тему, освоить созидательный пафос, столь любезный издателям. Имел бы «зелёную улицу». Его и подталкивали к этому первые рецензенты, упрекая в излишней интимности, в невнимании поэта-рабочего к «рабочей теме».

Поэтическая судьба Алексея Решетова – нередкий на Руси случай, когда отсутствие тщеславия и нежелание «шума», нечастые и малые тиражи кладут как бы печать провинциальности на литературное имя. Печать обидную и ложную – он вовсе поэт не «областной», в незаёмных строках поэта, живущего от столиц вдалеке, пульсирует духовный нерв большой русской поэзии.

После того, как предчувствие поэтической юности Алексея Решетова давно и полно осуществилось в его книгах («Белый лист», 1964; «Рябиновый сад», 1975; «Чаша», 1981 и многих последовавших за ними), истоки его творчества легко прослеживаются. Но в начале пути едва ли и сам поэт мог предвидеть, что человечность и тёплый свет его стихов будут рождаться не столько из красоты и радости жизни, сколько из мук и печали, из собственного страдания и сострадания к тяготам других. Что...

Надо стойко, мужественно жить,
Не поддаваясь злу ни на мгновенье,
И лишь тогда
Естественно и просто
Приходят вдохновенные слова
На лист, необитаемый, как остров.

Вряд ли предполагал юный Алексей Решетов, что стихи станут для него не ремеслом, а судьбой, в которой «искусство плачет, как дитя» и которая подтвердит безусловно:

Поэты погибают не от пуль,
Поэтов сокрушают не наветы:
Сам по себе мучителен их путь,
Самих себя не берегут поэты.
Расширены глаза, как у детей.
Попробуй жить
и не растратить крови,
Переживая тысячи смертей
И чьих-то несложившихся любовей!

И уж наверно не мог знать, что дорога к правде, о которой задумывался в тех ранних стихах, со временем откроется такой простой:

Но я пытался жить для ближних,
И пусть вся жизнь моя – провал,
Я никогда на рынках книжных
Душой своей не торговал.

Непросто и часто неожиданно складываются отношения между поэзией и обществом. Невозможно предсказать, почему и когда оно вдруг утратит интерес ко вчерашним поэтическим кумирам и станет искать отклик своим настроениям в совсем ином направлении. Подтверждение тому – стихи Алексея Решетова и его товарищей по поэтическому поколению, широко вошедшему в литературу в середине 1960-х годов. Ещё гремела с эстрады шумными спорами и подчёркнуто смелыми голосами стихотворная публицистика, о которой её признанный лидер Евтушенко самокритично сказал:

Я научился вмазывать, врезать,
Но разучился тихо прикасаться,

хотя ему уже ясно чувствовалось:

Придут иные времена.
Взойдут иные имена.

Когда они действительно взошли, чтобы выразить духовную жажду шестидесятых годов, обнаружилось со временем, что один из самых сильных и чистых голосов новой поэтической волны принадлежит почти безвестному инженеру калийного комбината из уральского города Березники.

С лёгкой руки литературного критика Л. Лавлинского это поэтическое течение было поименовано «тихой лирикой», и опрометчивое название прижилось. Спустя годы В. Кожинов так определит то новое и общее, что принесли с собой поэты «тихой лирики»: «Они стремятся не просто высказаться о тех или иных проблемах, а пристально и углублённо вглядеться в духовную жизнь личности и народа и воплотить её внутренний смысл и ценность в поэтическом слове» (предисловие к антологии «Страницы современной лирики», М., 1980).

К тому времени поэтические репутации сложились, и стало возможным отобрать для антологии из массы «тихой поэзии» действительно лучшее, проверенное временем. Так рядом с произведениями Николая Рубцова, Владимира Соколова, Анатолия Жигулина там оказались семнадцать стихотворений Решетова.

А если вернуться к началу, к вехам поэтической судьбы Алексея Решетова, то увидим в ней ещё два события.

Первая – двойной выпуск Пермским издательством книги стихов с точным и ёмким названием «Белый лист». В 1964 году первое издание было распродано мгновенно и – случай редкий в областном книгопечатании – было повторено через четыре года. Читательский успех «Белого листа» объясним одним: поэт попал в центр духовного настроения современников. Пермский читатель увидел, что на его земле появился поэт, смахнувший с себя путы заданности и провинциализма, пишущий стихи для того, чтобы, говоря словами Булата Окуджавы, «увеличить потенциал добра в мире и помогать добру в противоборстве со злом». Не забудем, кстати, что появление «Белого листа» опередило близкие ему этапные сборники В. Соколова «Снег в сентябре» (1968), Н. Рубцова «Звезда полей» (1970), А. Прасолова «День и ночь» (1966).

Событие другое и дорогое – «Белый лист» был замечен Борисом Слуцким. В 1965 году на страницах журнала «Юность» поэт громадного авторитета выразился так: «Алексей Решетов – настоящий поэт и заслуживает того, чтобы его читали далеко за пределами города, где он живёт». В доказательство Слуцкий привёл стихотворение, о котором сказал: «Тема, выжатая до последней степени. Но прочтите, Решетов сыскал в ней новую тропу».

Светолюбивы женщины. Они
Не могут пыль на стёклах окон видеть,
Им докучают пасмурные дни,
Их чёрным слово так легко обидеть.
И светоносны женщины. Нельзя
Представить даже, что за темень будет, –
Исчезни вдруг их ясные глаза
И маленькие матовые груди.

Почему взгляд Слуцкого, высоко оценившего весь состав «Белого листа», особо задержался на этом, всего в восемь строк, стихотворении? Старший разглядел в поэзии младшего гуманистическую традицию русской поэзии. Слуцкого поразила внутренняя свобода молодого поэта, его способность – после Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока! – предъявить с образной неопровержимостью мысль о великой тайне и ценности женственности, о спасительной, просветляющей мир силе женской доброты. Неразделимость непосредственного чувства и искусное владение словом. Интонация искреннего и откровенного восхищения женщиной, несущая образ вечного противоборства зла и добра.

Похвала Бориса Слуцкого адресована именно этой лирической миниатюре, хотя в «Белом листе» было несколько больших, заметных стихотворений иного, сюжетно эпического склада (одно из них – «Хозяйка маков» – было очень популярно среди юношества). Однако жанр этот, как показало время, не нашёл продолжения в творчестве Решетова. Несмотря на трогательность внешних ситуаций (одно из стихотворений так и называется – «Сентиментальная история»), в них не могла развернуться основа решетовского таланта: лично выстраданная, сжатая мысль-проблеск, мысль-вспышка. Это и происходит в его лирических миниатюрах. Одна из них навсегда врезалась и в мою память – ещё со времён «Белого листа».

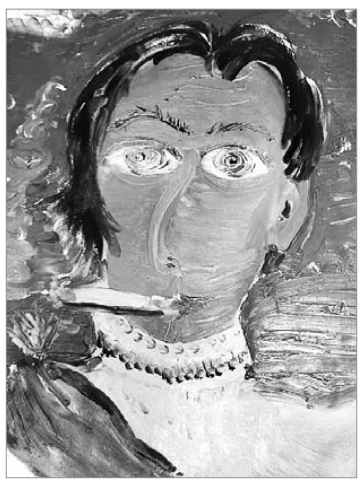
Ищите без вести пропавших,
Ищите древних, молодых,
Полотна дивные создавших,
В боях Россию отстоявших
Ищите их! Ищите их!
На душных стенах одиночек,
В полуистлевших письменах
Ищите днём, ищите ночью
Их золотые имена.
Ищите их по белу свету,
Ищите мёртвых и живых!
И если всюду скажут:
– Нету! –
Найдите их в себе самих.

Думаю, у многих эти строки оставили тогда глубокую отметину в душе. Они пришли к читателю во времена, когда постепенно стал сворачиваться курс XX съезда партии, размежевавшегося со сталинизмом, когда стали исчезать с печатных страниц возвращённые имена наркомов и комдивов, учёных и художников, вычеркнутых сталинской деспотией из жизни. И стала гаснуть вера людей в правду, в обновление страны.

Тогда и родилось это стихотворение, откровенно витийственное, непривычно для Решетова напряжённое. Конечно, поэт не мог знать, что оно станет восприниматься как сопротивление волне забвения, что напомнит о пропавших без вести не только на фронте, в застен-

◄ *Слева направо: прозаик Татьяна Соколова, поэты Алексей Решетов, Михаил Смородинов, Игорь Тюленев. 1983 год. Фото из архива газеты «Звезда»*

◄ *Май 1982 года. Березниковские друзья провожают поэта на жительство в Пермь. Фото Виктора Брандмана. Из газеты «Звезда» №109 (31977), 28.09.2012*



Портрет А. Л. Решетова (работа Н. Горлановой) ►

Имеется возрастное ограничение: данное печатное издание предназначено для читателей старше 16 лет (16+)

ках не только фашистских. О мёртвых, исчезнувших из памяти, печалился поэт, и о живых, готовых к молчаливому согласию с этим забвением.

А как написано! Вспоминаются слова Михаила Луконина по поводу одного стихотворения Семёна Кирсанова: здесь форма простая, как на красноармейце. В нарастающей образно-мелодической волне нет ни одной лишней ноты. Больше того, неблагозвучность рифмующихся причастий, однообразие повелительных форм, восьмикратный повтор «ищите!» как бы снимают гладкость стиха, усиливая ожог совести. Только сегодня в полной мере понимаешь, каким исторически точным и мужественным было здесь лирическое чувство Решетова, как встряхнул он души, начавшие привыкать к беспамятству, к мысли о своём бессилии и своей малости. Какая уж тут «тихая» лирика!

Тон и пафос стихотворения «Ищите без вести пропавших...», конечно, исключителен для Решетова — как крик, как звук полковой трубы посреди будней. Чаще душевное напряжение его стихов скрыто внешне спокойной речью, но за этим спокойствием — мужество самоуглубления и печали:

Я приникаю к матери-земле,
И вместе с ней горюю и мечтаю,
И привыкаю к медленной зиме,
И самообладанье обретаю.
Так славься та великая печаль,
Которая на лике человека
Стирает безмятежности печать
И мужеству предшествует от века.

Николай Заболоцкий сказал однажды, что у стихотворения, как у человека, есть лицо, ум и сердце. Если человек не дикарь и не глупец, его лицо всегда более или менее спокойно. Так же спокойно должно быть и лицо стихотворения: «Умный читатель под покровом внешнего спокойствия отлично видит всё игралище ума и сердца. Я рассчитываю на умного читателя».

Удивительно меткое суждение великого поэта мотивирует не только его собственное творчество, но и поэтическую культуру, ему близкую, в том числе и неведомые ему стихи Алексея Решетова. В долгие годы дефицита искренности в поэзии, когда упорно внушалось, что нет общечеловеческих, вечных нравственных ценностей, Окуджава, Рубцов, Жигулин, Межиров, Решетов делали своё тихое и великое дело. Они поднимали уровень доверия, любви, доброты, великодушия. Они напоминали, что никогда не иссыхают кровоточащие корни, соединяющие русскую поэзию с болью за землю, на которой живём, за чистоту людских душ.

Владимир Соколов сказал по этому поводу прямо и резко:

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.
..Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости,
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

Для того же пишет, в сущности, и Алексей Решетов, только признаётся в этом без напора – мягче и сочувственнее:

Хочу, чтобы вам, горюны-горемыки,
Чуть-чуть помогли мои грустные книги,
Хочу, чтоб моя невесёлая чаша
Была бы куда тяжелее, чем ваша.

Совестливость. Братство. Душевная деликатность. Благородство любви. Бескорыстие творчества. Вина перед обездоленным. Соучастие в горе и радости... Чтобы сегодняшний читатель припомнил эти ценности, нужны неожиданные соединения слов, смелые образные ряды, в которых (по выражению Николая Асеева) значительность мысли предъявлена с такой силой и своеобразием, что её хочется запомнить, взять с собой в дорогу жизни.

Чуткость Алексея Решетова к образному слову несомненна. Глубина и серьёзность его мысли, возникшей не от словарных изысков, а от выстраданного движения души, получает порой столь сильное выражение в двух-трёх строках, что они врезаются в память на правах афоризма:

...Землёй и небом заболеть
И никогда не поправляться.

..Не печалься, мой край, я тебя не покину.
Я в России живу не на птичьих правах.

..Без белых рощ, без пушкинской строки
Я не жилец, я сгину от тоски.

Руку Решетова легко узнать по искусству детали – неожиданной, точной и мгновенной, как мазок кисти художника. Как много и ново скажет решетовская деталь о весне сорок пятого года:

Пластинкой о синем платочке
Вращалась родная земля, –

о послевоенном дворике:

Сапогом, прошедшим до Берлина,
Дядька раздувает самовар, –

об осеннем безлюдье:

И на маленькой брошенной даче
Мыши нюхают ножки стола, –

о зимней стуже:

И пар идёт из клювика,
Когда снегирь свистит.

Где «опознавательные знаки» поэтического мира Алексея Решетова? В этих ли афористических строках, поднимающих житейские наблюдения в круг духовных прозрений и узнаваемых даже без подписи автора? Или в столь же незаёмной искренности, исповедальности, сочувствия всему, что требует сочувствия и внимания? А может быть, узнаваемость решетовских стихов – в их лирическом демократизме, в душевной совместимости поэта и читателя?

Человека, от лица которого написаны решетовские стихи, невозможно представить в поучающей или обличающей позе, с наставляющим перстом. Человек этот не на сцене перед рампой, а за одним столом с читателем. Их крутила и мяла одна и та же жизнь, их судьба замешана на общей горькой закваске. Если старшему товарищу Решетова по стиху Борису Слуцкому важно было отделить себя от избранных и заявить как принцип:

Не желаю в беде или в счастье,
Не хочу ни в еде, ни в труде
Забирать сверх положенной части
Никогда.
Никак.
Нигде.
<...>
– Кто тут крайний?
– Кто тут последний?
Я желаю стоять, как все, –

то Алексею Решетову заявлять это специально не могло и в голову прийти, для него равенство с людьми – в крови, в самом душевном устройстве.

..Я словно птица, хохлюсь,
когда в листках анкет
Пишу о том, что холост,
о том, что деток нет.
Зато всегда с охотой
и с гордой головой
Пишу, что я – пехота
пишу, что – рядовой.

Жизнь не обделила Алексея Решетова ничем из того, что переживал народ, «не обошла тридцатым годом, и сорок первым, и иным», по выражению А. Твардовского. Родился он, как известно, в Хабаровске, в семье журналиста Леонида Сергеевича Решетова в 1937 году. Сам факт рождения человека в этом году, оставшемся в народной памяти знаком беды, символом сталинского террора, мог и не играть роли, но здесь, к несчастью, сыграл. Через четыре месяца после рождения сына отец был арестован по подозрению в «преступной связи» с В. К. Блюхером: причиной стал очерк о маршале, ранее опубликованный Л. С. Решетовым в газете «Тихоокеанская звезда». След отца затерялся в лагерях, могила неизвестна.

Отец мой стал полярною землёй,
Одной из многих золотой крупинкой.

Была арестована и мать, Нина Вадимовна, отправлена в лагерь – сначала в Казахстане, затем на Северном Урале, в Боровске. Сюда к ней, уже вышедшей из-за колючей проволоки, в первый послевоенный год бабушка Ольга Александровна привезла с Дальнего Востока чудом спасённых от детдома внуков – старшего Бетала и младшего Алёшу.

Позади была война, врезавшаяся в детскую память с недетской болью:

Я из чёрного теста,
Из пепла войны...,

...Горите, флаги красные, горите!
Я с детства помню слёзы ранних вдов,
Заиндевевший громкоговоритель
И снег в морщинах сбившихся платков.

Спустя год после встречи с матерью Решетовы сменили жительство, правда, уехали недалеко – в Березники, в барак возле калийного рудника. В школу Алексей пошёл сразу во второй класс, после семилетки – в горный техникум, потом работал электромехаником.

Я верил в розовые сказки
И не считал природу злой,
Покуда сам в шахтёрской каске
Не очутился под землёй.

К творчеству его тянуло в юности, в годы учёбы – неудержимо. Причём к рисованию больше, чем к сочинительству. Рисовал запоем на чём придётся – маслом, гуашью, извёсткой... Первой литературной публикацией оказались не стихи, а молодёжно-спортивный рассказик «Штанга», посланный наудачу на конкурс в молодёжной газете.

Дело не только в том, что судьба Алексея Решетова даже биографически неотделима от «серёдки» народа. Здесь большее: редкий и счастливый для лирика дар – кожей отзываться на общий строй чувств, на людские боли и радости.

Русскую песню меня, пацана,
Петь по вагонам учила война.
Сколько я раз замерзал с ямщиком,
Славу иль смерть ожидал с Ермаком...

Не собственное ли понимание поэзии как духовного резонанса высказал Решетов словами персонажа своей повести «Зёрнышки спелых яблок»? «И вот я думаю, что музыка, да и вообще всякое настоящее искусство нам словно говорит: „Тебя ранило!“ И мы слышим свою боль. Или, в другом случае, радость, грусть – смотря что нам было сказано...»

О чём грусть поэта Решетова? О «вдовьем взгляде» деревеньки и забурьяненных полях. О погибших солдатах и невечности близких. О том, «что мир ещё не так устроен, как должен быть устроен он». Об опасности истребления сомнений и довольства собой. О том, что пока ещё «трудней, чем камень философский, нам хлеб насущный добывать». О муке

Березники. Памятник Алексею Решетову (скульптор Ю. Устинов)

женского одиночества. Не много знаю я стихов, где внешне бесстрастное описание могло бы так кричать:

Женщина пилит двуручной пилой
Толстые брёвна одна.

О необъяснимой непрочности счастья между женщиной и мужчиной, горечи неравенства в любви. Вот четверостишие, в котором конспект целого романа:

Любимая, стой, не клянись, всё равно
Кого-то из нас утомит постоянство.
Но я тебя брошу,
как птицу в пространство,
А ты меня бросишь, как камень на дно.

В чём радость поэта Алексея Решетова? В осознании себя русским человеком в своём отечестве. В том, что «на русский простор не могу наглядеться, всё гляжу и гляжу на его красоту». В вечном разгадывании тайны женственности. В неистребимости счастливой детской души, готовой откликнуться в каждом человеке. В том, что с возрастом «всё дороже становятся люди, не персона, не шкура своя».

На что надежда поэта Алексея Решетова? На «соломинку с крыши родной». На материнский свет, которому «есть начало – и нету конца». На вечную женскую доброту. На союз души и природы, снимающей «и обиды все и горечь». На великую печаль,

Которая на лике человека
Стирает безмятежности печать
И мужеству предшествует от века.

Перечитывая Решетова, невольно вспоминаешь поразительно точную характеристику истинной поэзии, которую ещё 130 лет назад дал Афанасий Фет при взгляде на посмертно изданный томик Тютчева:

Вот наш патент на благородство –
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утончённой жизни свет.

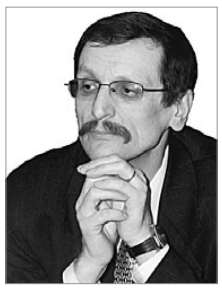
Такова, в сущности, основа русской поэтической культуры. Сбережение её совершается в стихах Алексея Решетова, на этом поэт стоял осознанно и прочно.

Ты молода, мой друг, а я поэт,
И, стало быть, мне много тысяч лет.
Я много раз рождался и старел
И на высоком пламени горел.

Причастность стихов Решетова к отечественной поэтической традиции объясняет их притягательность в наш век массового литературного производства. Вслушиваясь в его простые, тихие слова, убеждаешься, что истинная поэзия рождается не обязательно где-то там, в дали времён, в дали столиц, а – рядом с тобой, в уральской земле. Она нужна тебе. Протяни руку.

ЗЕМЛЯ

Виталий БОГОМОЛОВ
Союз писателей России,
г. Пермь



СТАРЫЙ ДЕТДОМОВЕЦ

По безлюдной и пустынной деревенской улице медленно двигалась чёрная, сияющая новизной иномарка, «Ауди», – словно осторожную разведку вела на чужой территории. В центре деревни, возле приземистого кирпичного строения с вывеской «Магазин», машина замерла на обочине.

Из неё долго никто не выходил. Наконец правая передняя дверца неспешно распахнулась, и на землю сошёл седой старик. Он был среднего роста, плотного телосложения, слегка согбенный. Круглая седая голова была покрыта ещё довольно густой короткой шевелюрой, кустистые брови нависали над светлыми выгоревшими от возраста глазами, загорелое лицо обрамляла окладистая, короткая, как и шевелюра, белая борода. Лет ему можно было дать, пожалуй, под восемьдесят. Но одет он был как-то не по возрасту: ладно – джинсы! – так на нём была ещё и серая из толстой ткани молодёжная куртка с бахромой вдоль швов, со множеством карманов, которая не очень шла к его годам. Похоже, с чужого плеча, детей или внуков... В руке он держал бейсболку с длинным гнутым козырьком, которая была почти такого же цвета, как и куртка.

Медленным взглядом, с таким же медленным поворотом туловища, он задумчиво обвёл безмолвное пространство вокруг и замер, уперев взгляд в останки деревянной церкви, что стояла на взгорке метрах в пятидесяти-шестидесяти от дороги. Могучие кроны тополей, окружавших разрушенный храм, создавали впечатление заботливости, с которой они осеняли его проржавевшую дырявую крышу.

Небо в этот час было голубое-голубое, божественно чистое, и в нём почти недвижно висели редкие белые облака, ну точь-в-точь клочья ваты, насквозь просвеченные солнцем. Видя это, старик улыбнулся, возле глаз веером выделились мелкие морщинки. Видимо, что-то вспоминая, он склонил ненадолго задумчиво голову. Солнышко припекало, и старик небрежно нахлобучил бейсболку на свою думалку.

В эту минуту из машины с водительского места лениво вылез плотный, как молодой белый гриб, мужчина лет под тридцать, потянулся, зевнул и, обращаясь к старику, вяло спросил:

– Ну что, деда? Узнаёшь свою... родину?

Слово «родину» он произнёс с явным оттенком то ли иронии, то ли – даже! – сарказма.

Старик неохотно повернул к нему голову и с минуту смотрел мужчину с печалью. Тот смутился.

– Нет, внук, – вздохнул старик горестно. – Только вот церковь осталась, а всё остальное неузнаваемо. Примерно в этом месте, – указал он влево, – стоял магазин, стены из толсте-енных брёвен. Рядом, правее магазина, был двухэтажный дом, внизу жила какая-то старуха с кем-то (тогда, по крайней мере, она казалась нам старухой), а на втором этаже размещалось колхозное правление. Колхоз назывался «Хлебороб». Слева от магазина стояла пожарка, ещё левее – пекарня. Обычная изба, только с большой русской печью. Теперь вот всё это пустырь. А там вон, выше, левее церкви, склады были колхозные – дли-и-инный такой сарай под соломенной крышей... Д-да-а, – протянул он тоном безысходности и направился к памятнику, возведённому предположительно на месте бывшего магазина.

Водитель двинулся за ним. На груди его висел дорогой фотоаппарат, и он принялся фотографировать, стараясь в каждом ракурсе захватить в кадр и старика. Это был действительно его внук. И в фотосъёмке он, видимо, разбирался – порой уверенным тоном знатока просил:

– Деда, повернись вот туда... Деда, встань вот так...

На пяти серых бетонных плитах простенького и дешёвого мемориала было высечено 54 фамилии не вернувшихся с войны, подновлённых к 70-летию Победы яркосветящейся золотистой краской. Старик прошёлся взглядом по списку, печально произнёс:

– Никого из них я не знал. В сорок первом году (нас привезли сюда поздней осенью) мне было всего девять лет. Вот в этой церкви нас тогда и разместили. Радио нет, телефона нет, освещение – керосиновые лампы... Пойдём-ка, посмотрим на заброшенное моё жилище, сегодня дорогое сердцу.

И старик двинулся в сторону церкви по тропинке, слабо натоптанной в высоченной дикой растительности. Тропинка проходила мимо церковного строения и вела неведомо куда.

– Эта дорожка, наверное, на кладбище, – догадался и вслух произнёс старик, дойдя до алтаря и останавливаясь. – В той стороне, помню, кладбище было. Тогда здесь дорога проходила наезженная, в поля, в другие деревни, и никакого дурмана не росло.

Они обогнули алтарь, завернули к южной стене, часть её (простенки окон) выпала, образовав широкий проём, и внутрь можно было зайти беспрепятственно. Пола в бывшем храме давно не было, потолка – тоже, в проржавевшей жестяной крыше светились дыры. Земля внутри храма была усыпана обломками кирпича, – спотыкаясь и оступаясь на них, старик и внук вошли в церковь.

– Какая она, оказывается, просторная! – изумился старик, очертив стены и пространство беглым взглядом и задрав голову кверху. – А когда нас привезли сюда, церковь была внутри переделана под два этажа и вся перегорожена на небольшие палаты. А сейчас, смотри, внутри ничего нет, всё разломано, и она кажется большой.

– Вот здесь, – он повернулся к алтарю, – у нас была библиотека. Я очень любил тогда читать книжки... Хотя числился хулиганом ещё тем, когда подрос... В то время всем нам было по восемь-десять-двенадцать лет... Только мальчики. Банда человек семьдесят. Для такой деревни это немало. Откуда книжки сюда завезли, я не знаю. Но библиотека была неплохая. А вот школа дрянная: учителей с хорошей подготовкой не было, как я оценил уже после. Но чему-то нас мало-малишко учили.

Деревенские ребята сразу невзлюбили нас, да и не за что было, как я понимаю. А взрослые поначалу нас жалели: мы ведь были сироты, собранные из разных мест западной России... Родители наши у кого-то на фронте были, у кого-то погибли: кто при бомбёжках, кто при артобстрелах, кто на поле боя... Первое время нас кормили неплохо, видимо, персонал ещё не умел воровать. А потом – скоро научился. Пайка нам стало не хватать. – Старик усмехнулся: – По толщине хлебных ломтиков мы определяли безошибочно, кто дежурит на кухне: если куски потолще – дежурит тётя Люба, если совсем тонкие – Грушка. А число кусков всегда одинаковое. Не зря сказано: голод не тётка. Мы тоже научились воровать. С весны до поздней осени деревенские в поле. Старшие ребята стали шастать по дворам, таскать яйца с куриных гнёзд, щупать погреба... Что найдут, то возьмут: сметана там или огурцы солёные... Молоко выпьют. И любовь населения к нам прошла, как почтальонка мимо дома...

С местными ребятами начались драки. Детдомовца поймают где – отлупят. Ну и мы, если подстережём кого, тоже дубасили... Вредили мы деревенским как могли. Бедокуры ещё те были. Однажды, помню, парнишку местного лет пяти посадили на телегу, «покатать»... Под огородами речка небольшая протекала... В том месте, где через неё был переезд, она была широко разъезжена, но мелкая, – старик наклонился и ладонью отмерил от земли высоту с полметра, но потом снизил ладонь сантиметров до тридцати. – Вот мы телегу закатили в этот брод и на середине оставили. Ругали нас потом за эту проделку, парнишка долго сидел в телеге, пока его обнаружили. А в воду слезть боялся. А воды-то по колено ему. Тем более, там галечник. Слез бы да убежал проулком домой. Всего-то метров двести. Жизнь деревенская скучная, однообразная... Вот мы и искали приключений... А дела до нас тогда никому не было.

Директором поначалу была у нас женщина из местных. Слабохарактерная, глупая, требовать не умела. И ничего сделать с нами не могла. Мы под её руководством распустились, вольными росли. Такая своеобразная «запорожская сеча» в миниатюре. А в сорок третьем году назначили нам нового директора, мужчину, фронтовика, инвалида, после ранения – у него не было правой ноги. Николай Иванович Киряков. Ходил он на костылях. Приехал откуда-то с семьёй, с тремя пацанами, с женой. Оба – учителя, нас учили. И дети их с нами вместе учились. У деревенских была своя школа, их всех учила одна Лидия Васильевна, рассказывают – строгая была и очень требовательная, её боялись, как огня. Авторитет у неё в деревне был непререкаемый.

Николай Иванович за нас взялся – тоже будь здоров! Его боялись. И зауважали. Всё-таки фронтовик. У него был орден, медали. Но главное – справедлив был. Не сразу, но страху он на нас нагнал.

По сравнению с деревенскими мы, конечно, находились в привилегированном положении. Николай Иванович сказал, что мы даром свой хлеб есть не должны, а по мере своих сил и возможностей будем его отрабатывать. Как? Помогать колхозу в сенокос, на уборке урожая. За два года здесь мы заметно подросли.

Поначалу мы этому обрадовались: всё-таки какое-то разнообразие в нашей унылой жизни. Но через три дня работы с граблями и с вилами налёт нашей романтики сдуло, как ветром пух с одуванчика. На четвёртый день мы сговорились и решили на работу не ходить. У нас были свои вожаки, как Юрка Дрын, к примеру, которого мы до жути боялись. Жесток был до ужаса. Если он сказал: не пойдём, – значит, не пойдём... Думаю, что дни свои он давным-давно закончил где-нибудь на зоне...

А стояла самая горячая сенокосная пора, у колхоза были накошены травы, надо было срочно убирать сено. Мужиков в деревне нет – старики да подростки, а нашу хотя и детскую, но ощутимую помощь, председатель уже почувствовал и в эти дни очень надеялся на неё. А мы все – в отказ.

Николай Иванович велел воспитателям собрать нас в самой большой комнате. Собрались, ждём. Слышим, идёт, грозно так стучат об пол его костыли. Сжались, собрались защищаться, Юрка Дрын уже провёл свою агитацию.

Вошёл, вид сердитый. Бросил на тумбочку высохшую коровью лепёху. Мы в недоумении, думаем: зачем он коровьего дерьмо нам принёс?

Оглядел нас гневным прищуренным взглядом.

– Дармоеды! – произнёс сквозь зубы, медленно и веско.

У некоторых из нас рты пооткрывались от удивления. Так с нами он ещё не разговаривал.

– Вам по двенадцать, по тринадцать и даже четырнадцать лет! А вы кроме как жрать да ещё воровать – ничему не научились! Хотя нет, вы научились требовать к себе, сироткам, уважения. Но вы ещё не поняли, что его надо за-слу-жить, уважение-то. Воспитывать вас голодом я не имею права. Но с сегодняшнего дня кормить дармоедов прикажу вот этим!

Он двумя пальчиками поднял перед собой коровью «шаньгу».

– Кормить нас коровьим говном вы тоже не имеете права! – выкрикнул Юрка Дрын.

– Не-ет, Дрынов, – возразил директор, – это не то, что ты думаешь! Это хлеб! Это хлеб, который едят деревенские жители! И дети деревенские, в отличие от вас, уже с семи лет хлеб этот зарабатывают трудом посильным и непосильным.

– А можно попробовать? – робенько поинтересовался Колька Монах. Он любопытный был. У нас у всех тогда были клички между собой.

– Можно! Для того я его и принёс вам. Попробуйте! – доброжелательным тоном ответил Николай Иванович.

– А у тебя, деда, какая кликуха была? – перебил внук старика.

Дед смутился, кашлянул в кулак, покряхтел, потрепал мизинцем раковину своего левого уха.

– Самовар.

– Самовар?! – захохотал внук. – Толстый, что ли, был?

– Да какой там толстый – худоба!

– А почему самовар-то?

– Потом как-нибудь расскажу. Это длинная история. И к делу отношения не имеет.

– Ну и что там у вас происходило дальше?

– Пустили «шаньгу» по рукам. Отламывали по крохотному кусочку, брезгливо подносили к носу, нюхали, но есть, конечно, не собирались. Держали в руках. На хлеб это совсем не походило.

– Нет, вы попробуйте, попробуйте! – настаивал Николай Иванович. – Это я ещё хорошую вам принёс лепёшку, с добавлением муки, она не разваливается, когда в руки берёшь. Деревенские каждый день едят эти «селянки». Другого хлеба у них нет. Это вы, детдомовские, едите нормальный хлеб. Пусть не столько, сколько хочется, но положенную норму вы получаете.

– Деда, а что такое селянки? – вновь прервал речь старика внук.

– Так в деревне в добрые времена называли праздничную стряпню из самой лучшей муки – селянки. Николай Иванович это слово в ироническом смысле употребил, разумеется.

– А из чего эти военные «селянки» готовили?

– Васька, ты всё время уводишь меня от главного, – усмехнулся неодобрительно дед. – Суррогат самый разный мешали: семена травы лебеды – это основное, клеверные головки, липовый лист, кору молодых липок. Всё сушили, толкли, или перемалывали, подмешивали чуточку настоящей муки... Добавляли кто что умел. Как говаривал Кошкин Вова, мой деревенский дружок, после у нас такие появились, это он про липовую-то «стряпню» вспоминал: ешь – радуешься, по нужде пошёл – плачешь. Запорами от такой еды они мучились жуткими...

Николай Иванович настаивает, значит, чтоб мы всё-таки попробовали «хлеб» колхозника... Попробовали, сперва один, потом другой, ну что там – жуть, не хлеб. Разжевал, а проглотить не можешь, горло рвёт, выплюнуть хочется...

– Вы посмотрите, – обратился к нам директор, – понаблюдайте, как живут колхозники! Они выращивают хлеб, выращивают скотину, держат кур... Но они всё это отдают фронту, только чтоб победить фашистов: зерно, молоко, мясо, яйца – всё сдают государству! А сами едят вот этот суррогат. Из того, что они отдают государству, в том числе идёт вам на

Имеется возрастное ограничение: данное печатное издание предназначено для читателей старше 16 лет (16+)

содержание. Вы одеты, вы обуты, вы накормлены, вам положен паёк, норма. И это за счёт их!

– Это казённое! – возразил тогда кто-то из ребят повзрослее.

– Правильно, казённое, но прежде чем стать «казённым», это произвели своим трудом конкретные люди: в колхозе – зерно, лён, кожу... На фабриках – ткань, одежду, обувь. Никто из вас в лаптях не ходит. Худо-бедно, а вы все обуты-одеты. А их никто не кормит, им ничего не положено, кроме работы и налогов. Нечего у них одеть, обуть. Одежда вся в заплатах! Летом – босиком, осенью в лаптях, к которым деревянные колодки привязаны, чтоб лапти меньше снашивались, и нога в грязи не так намокала. Но ведь и лапти надо чтоб кто-то сплёл... Многие деревенские дети даже в школу зимой не ходят – не в чем.

Мы для чего вас в школе учим? Чтоб вы вперёд всего учились думать, наблюдать жизнь, учились сравнивать, мыслить, я скажу – сопрягать, складывать её картинки в общую большую картину и отыскивать в ней, в этой картине, место для себя, для своей души. Правильное место. Чтоб вы от этого становились постепенно людьми, а не выродками, способными только жрать... Ведь то молоко, которое вы каждый день получаете по кружке, это ведь они вам от себя отдают.

Председатель колхоза, фронтовик, инвалид, просит нас помочь убрать сено, убрать хлеба, после помочь выкопать картошку. Никто не заставит вас, несчастных сироток, работать сверх сил. Но помочь надо. Чтоб победа наступила поскорее. Я бы тоже пошёл с вами, но сами видите, какой из меня работник, – проговорил он с горечью. – Вы посмотрите на деревенских ребят – ваших сверстников, они, в отличие от вас, – уже повзрослели! Как на войне, на передовой, в окопах, когда земля вот качается от взрывов – человек взрослеет мгновенно, так здесь – на мужской работе – они стали мужиками! А вам ещё няни должны сопли вытирать. Стыдно! Позорно!

Вы посмотрите на женщин-колхозниц, на кого они похожи от работы в свои тридцать-сорок лет – смерть краше выглядит. Старухи! Днём работают в колхозе, а дома только по ночам... Ведь чтобы заготовить суррогат на такие вот лепёшки, которую вы сейчас попробовали, тоже надо время. Они потеряли мужей, работников, кормильцев своих семей!..

– А мы родителей потеряли! Мы круглые сироты! – выкрикнул истерично всё тот же Юрка Дрын.

Николай Иванович горестно склонил голову, помолчал с укором и проговорил с каким-то промораживающим душу тоном:

– Вы не родителей потеряли, вы потеряли – совесть! – Ещё помолчал и добавил: – Без родителей нелегко прожить, но можно – мир не без добрых людей, помогут, а без совести – нет! Не прожить! – И тоскливо добавил: – Вы потеряли родителей, а я потерял уважение к вам.

После этих слов он грузно, медленно повернулся, опираясь на костыли, и тяжело, обречённо пошёл прочь.

Замерев, мы смотрели ему в спину, мы будто впервые увидели, как трудно, как тяжело ему было сейчас передвигаться на одной ноге, а на месте второй от самого бедра был только воздух. Пустота. И вот тут мы неосознанно, то ли сердцем, то ли душой почувствовали, что ведь он свою ногу потерял на войне за нашу победу над фашистами. Выходит и за нас тоже... Мы впервые почувствовали какую-то общую, именно общую вину перед этим человеком. Обидели мы его. Задел он тогда за живое и совесть нашу, и самолюбие наше. Пристыдились мы... Пристыдились.

В тот же вечер среди детдомовцев тихо разнеслась весть о том, что Николая Ивановича видели на скамейке в кустах за церковью плачущим. Подкравшиеся ребята подсмотрели, как, сидя между костылями, прислонёнными к скамье, он что-то неразборчиво бормотал всхлипывающим голосом, размазывая ладонями слёзы по впалым щекам...

На следующее утро, сразу после завтрака, без всякой на то команды, мы построились, и Юрка Дрын попросил двух старших воспитателей доложить Николаю Ивановичу, что детдомовцы готовы к выходу на работу. Они пошли.

После рассказывали, что услышав это сообщение, Николай Иванович был... был им ошеломлён, он долго глядел на воспитателей растерянно, словно желая угадать, не разыгрывает ли они его, потом только махнул беспомощно рукой: «Ведите!»

Вот думаю, внук, что та суррогатная лепёшка да страстный упрёк безногого директора каким-то образом, не знаю, предопределили уже тогда мой выбор: профессию историка. Помнишь, я перед самым днём Победы приносил из музея несколько паек «Военного хлеба», каким кормили тыл? Его к юбилею придумали выпечь по специальным рецептам, которые с трудом и приблизительно восстановили со слов людей военного поколения. Раздавали этот хлеб всем желающим.

– Помню, деда. Липкий, как глина, кислый, как... Кислятина, короче!

– Так вот он даже отдалённо не напоминает ужасные лепёшки, которые приходилось есть в войну крестьянам-колхозникам. Да, кислятина, да, глина. Но всё-таки это был хлеб! Сегодня, пусть умом, пусть логически, но я понимаю значение куска хлеба в нашей жизни и в большой истории человека вообще и потому с благоговением отношусь к каждой крошке. Не с пафосом, а с благоговением! А те люди, спасшие нас тогда, они ведь каждой клеточкой своего изработанного, измождённого тела это испытали, прочувствовали вне всякой логики и образования. Точнее – жизнь, голод им преподали самое бесценное просвещение! К примеру, Васька Рогожников, деревенский парнишка на один год младше меня, в двенадцать лет получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В двенадцать лет!.. Ребёнок ещё, по сути-то. Но война лишила его детства, жестоко перебросив сразу во взрослую жизнь...

И я сюда приехал, внук, не только для того, чтобы вспомнить свой военный детдом, своё несладкое сиротское детство, а ещё за тем, чтобы успеть до смерти своей низко поклониться деревенским страдальцам, а вот сейчас скажу с пафосом, на плечах которых История наша выехала тогда из зияющего погибелью провала! Приехал помянуть нашего одноногого директора Николая Ивановича, который сделал всё, чтоб нас поставить на две ноги. Царствие ему небесное! – старик перекрестился. – А сейчас мы с тобой попытаемся, внучек, встретиться с кем-нибудь из жителей деревни, и я спрошу про моих деревенских сверстников, с кем подружились мы в те годы. Жив ли хоть кто-то из них?

11–22 июля 2015 года

ДОСТОЯНИЕ

БЛАГОТВОРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Почти шесть лет миновало, с того дня, как нет с нами талантливого писателя Николя Кинёва. Летевший на безумной скорости водитель-наркоман 22 июня 2011 года сбил Николая на пешеходном переходе Комсомольского проспекта города Перми. Не приходя в сознание, писатель через пять часов скончался в больнице от многочисленных травм, не совместимых с жизнью.

Николай Георгиевич Кинёв, которому в этом году исполнилось бы 75 лет (родился 23.05.1942 в селе Ключи Суксунского района), пребывал ещё в полноте творческих сил, не оскудевшего потенциала. Это был мыслитель, глубокая личность, необыкновенно требовательная к слову, знавшая себе внутреннюю цену. В Усть-Кишерти, где Николай более трёх десятилетий жил и работал в кишертской районной газете «Сылвенские зори» (прежнее название – «Путь Ильича»), его знали больше как журналиста – он создавал глубокие, содержательные и ответственные материалы о нашей проблемной жизни, в совершенстве овладев своей журналистской профессией.

Известно, что газета требует к себе повышенного внимания, стопроцентного подчинения и забирает много творческих сил, душевного напряжения. И здесь Николай Кинёв трудился для народа, чаще всего в ущерб своему писательскому призванию и оригинальному таланту.

Но то, что он успел издать, останется навсегда в копилке нашей литературы, свидетельством чему – полученное им в 2004 году звание лауреата Всероссийской литературной премии (с вручением медали Д. Н. Мамина-Сибиряка) за книгу «Вот тот мир, где жили мы с тобою», которую конкурсная комиссия высоко оценила за сохранение классических традиций русской литературы.

В Кишерти Николая Кинёва помнят. Благодаря хлопотам Зайцева Александра Ивановича Кинёву посмертно присвоено звание Почётного гражданина села Кишерть. Установлена мемориальная доска. 15 апреля 2017 года администрация района, средняя школа совместными усилиями преподавателей и учащихся провели уже Пятые Кинёвские литературные чтения. В этом году они были посвящены 75-летнему юбилею писателя с привязкой к Году экологии, сбережению которой Кинёв отдавал немало сил. Бессменным модератором и инициатором Чтений стала Берсенёва Наталия Михайловна из методобъединения районного отдела образования.

На Чтения были приглашены пермские писатели, друзья Кинёва, члены Союза писателей России, но в силу неумолимых обстоятельств, приехать смогли только Фёдор Востриков и Виталий Богомолов. Их произведения наряду с кинёвскими звучали в этот день в конкурсном исполнении учащихся. Это был настоящий праздник живого слова, хорошо продуманный, прекрасно организованный праздник. Особое настроение создавала и ненастная погода, располагающая к вдумчивому восприятию происходящего, и новая, светлая, просторная школа, директор которой Елыгина Вероника Юрьевна, предоставила площадь для проведения Чтений.

Н. Г. Кинёв (на фото справа) на собрании в писательской организации 26 июня 2010 года

А открытие Чтений проходило в актовом зале Администрации района, в уютной и очень торжественной обстановке. Глава района Тамара Николаевна Конопаткина в этот день была в отъезде и не смогла присутствовать на открытии Чтений, как в прошлом году, но её заместитель Светлана Валерьевна Дунина сказала очень важные слова об объединяющей силе кинёвского родниковой чистоты слова, отметила созидательный труд преподавателей школы и наиболее отличившимся вручила Благодарственные письма. Во многом праздничность и торжественный уровень Чтений определяла неизменная ведущая – Людмила Вадимовна Гордеева, одна из самых активных организаторов, преподаватель русского языка и литературы. Она – член инициативной группы Чтений совместно с Ларисой Юрьевной Редкиной, Ниной Юрьевной Шастиной, Еленой Сергеевной Черныш. Именно эта группа ежегодно разрабатывает положение о Чтениях, определяет темы, запускает их в работу.

Был показан ещё не законченный (находится в стадии создания) видеофильм «Мой родной край» – поэзия Кинёва в сочетании с годом экологии. Над фильмом трудится методист Дома творчества Наталья Григорьевна Попова.

Затем писатели совместно с преподавателями работали членами жюри в секциях конкурсного исполнения литературных произведений.

В первую группу исполнителей входили 5–6-е классы, жюри возглавляла Валентина Ивановна Чугайнова, а победителем оказалась Рудакова Анна из села Орда. Вообще в этой группе ординцы блеснули очень ярко: второе место занял Михаил Шляпников, третье – Виталина Щербинина. А подготовила детей учитель Елена Подборнова.

Во второй группе, 7–8-е классы, победителем стала Рогожникова Ирина из села Сызганка Суксунского района.

В группе 9–11-е классы руководил жюри Николай Евгеньевич Мякшин, а победила Новосёлова Екатерина из Кишерти.

Но была ещё и четвёртая группа: 18 лет и старше. И здесь победителем стал Кунгурский центр образования № 1 – Енидова Виктория.

Пятый раз Светлана Сергеевна Каурова – преподаватель-энтузиаст пермского Лицея № 3 – привозит своих учеников на Кинёвские чтения. На сей раз учащиеся этого лицея подготовили и показали на открытии литературную композицию на стихи Николая Кинёва, которая оказалась, как всегда, неожиданно оригинальна. Юные артисты исполнили роли настолько подкупающе естественно и убедительно, что зал бурно и долго им аплодировал.

Вдова Николая Кинёва, Алевтина Сергеевна, замечательный человек, творческая крепкая дружба с которой связывает писателей многие годы, сказала, что очень благодарна за бережное отношение к памяти её мужа.

Поэта Фёдора Вострикова, давнего друга Кишерти, душевно поздравили с недавно прошедшим юбилеем, преподнесли цветы и подарок.

По завершении работы в секциях писатели провели общую встречу с преподавателями и учащимися. Главная цель Чтений, которую преследовали организаторы: осмысление значения личности и творчества писателя Кинёва, живое общение с писателями, их размышление о роли художественной литературы, зачем нужна книга сегодня, о значении чтения в развитии и становлении человека, что несут писатели обществу, что они хотят ему сказать.

Талантливое творчество Николая Кинёва, литературные Чтения его имени, ставшие доброй и благотворной традицией, можно сказать уверенно, будут с годами только укреплять и возвышать авторитет села Усть-Кишерть. Большое, сказаное, видится на расстояние. А писатель Кинёв был личностью незаурядной и масштабной, выделялся даром чеховской глубины и выразительности, талантом широкого диапазона. С годами это становится заметнее.

Виталий БОГОМОЛОВ
Союз писателей России, г. Пермь

БАЗА А.П.А

О КНИГЕ ДЛЯ УМА И СЕРДЦА

Новая книга из серии «Антология Пермской литературы» стала для меня настольной. Редкое счастливое событие за последние годы. Читаю-перечитываю отдельные главы, страницы – там наше время, имена знакомых по творчеству людей. Чем удерживает повествование? Лучше М. Горького на это не ответить: «Любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пёстрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку».

Писатель Иван Петрович Гурин помог глубоким многоплановым содержанием книги «Сокровенное» освежить память по истории России. Читателю открыты «спрессованные» за годы суждения о литературе, жизни творческого человека. Главы написаны живо, с таким проникновенным пониманием одарённой личности, что веришь каждому слову. Ответственность автора и личное его сопереживание в повести-эссе не вызывает сомнения. Документы – письма, дневниковые записи, отклики на произведения, факты и даты, – делают правдивым художественный текст.

В книге названы известные и малоизвестные поэты, прозаики, у каждого неповторимый творческий путь. Доброжелательный И. П. Гурин не дал затеряться в неизвестности многим пермским литераторам. О «знатном писателе Николае Кинёве» из Кишерти узнаём из переписки, встреч. Прозаик с «совестью болящей» и поэт с манией предостережения (сборник «Грань») показан и в весёлом диалоге о НЛО, и в опасных ситуациях с потерями. Выбранный Иваном Петровичем минорный стиль небольшого отрывка передаёт беспокойство и душевную боль за нелепую гибель Николая.

«Глубокое и сердечное родство душ» становилось часто основой верного дружеского общения. Судьба свела Ивана Петровича с талантливым поэтом-однополчанином Валерием Возженниковым. Поездки в Нытвенский район к «человеку высоких помыслов», так определяет И. П. Гурин интеллект друга, его участие в жизни селян, – «шли обоим на пользу». Были посиделки с пением под гармошку, воспоминания о службе и японской девочке Си, творческая перекличка, переживания о поголовном бездушии в городе. Проникновенные строки в книге о «трогательных, светлых» стихах В. Л. Возженникова, его сборниках «Белые незабудки», «Черёмуха и церковь» как дань памяти другу. Со временем понимаю рвение мужа Геннадия на встречу в Постаноги – для помощи человеку и за сердечной подпиткой от широкой творческой натуры Валерия Леонидовича.

История жизни поэта К. Мамонтова в главе «Беспризорник» для меня стала открытием. Соотнесла разные факты жизни в Кунгуре и поняла, что соседка моей тёти по коммуналке в деревянном доме около вокзала – З. А. Суслова упоминала какого-то Костю. Она была невысокой, худенькой, интеллигентного вида женщиной. Благородно поступили Зоя Александровна с мужем: усыновили сироту и тем спасли «чувственную восприимчивую душу» большого поэта сложной, непредсказуемой судьбы. А в Кунгуре на ул. имени К. Мамонтова живёт моя двоюродная сестра.

Приятельские отношения Иван Петрович поддерживает со многими людьми и умеет дорожить их расположением. Немногословный, но деятельный человек находит время для творческих поездок, встреч, переписки, исследования. В зарисовках писателя воспринимаешь себя собеседником, настолько они познавательно глубоки. Поездка в Чердынь к «Илье Музейному» – к селькору, политруку, краеведу И. А. Лунегову для журналиста тогда «Звезды» И. П. Гурина – это общение с разносторонней личностью человека, у которого уникальная память на редчайшие архивные сведения. Интересные творческие находки знаменитых уральцев приведены в книге, как и биографические тайны писателей с мировым именем. Так в главе «По совету Бажова» «сошлись» Б. Рябинин и К. Боголюбов, П. Бажов и Е. Пермяк, В. Астафьев и И. Зырянов. Место нашлось и для исторического факта конца XIX века: в Редикоре и Чердыни работал врачом А. А. Залежский, двоюродный брат В. И. Ленина.

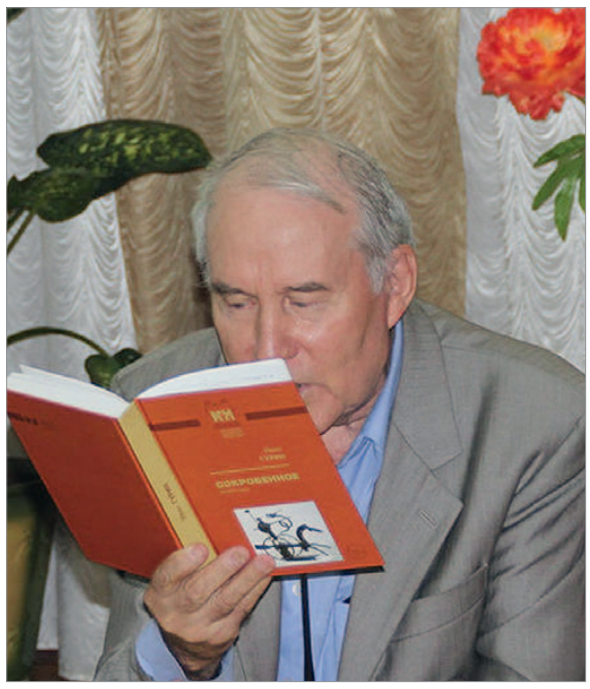
Самые проникновенные слова-награды подарены писателем другу-единомышленнику Ф. С. Вострикову, талантливому и отзывчивому человеку. По творческим взглядам Фёдор Сергеевич – «сын Заволжья и России». И. П. Гурину «пришлись по сердцу его душевные образные стихи, полные глубоких мыслей о Родине, земле, любви». В благодарность Ф. Вострикову – строки признания И. Гурина:

Как бы жизнь моя, друг, обеднела,
Если б не было рядом тебя!

Мудрые высказывания, авторские или заимствованные, в тексте как обобщение и повод для читательского размышления: «Так по кругу вершатся и дружба, и поэзия».

Судьбоносной оказалась встреча двух людей, духовно богатых, одаренных, на занятии литобъединения. Не случайно в повествование введена история образования Пермской писательской организации, изначально в СССР наша была одной из трёх. «Круг творцов» – на каждом новом витке Иван Петрович называет и поясняет судьбу многих литераторов, их достижения. Б. Михайлов, А. Спешилов – «вожаки»1940-х; поэт и авиатор В. Каменский; поэт-очеркист, автор песни «Прощайте, скалистые горы» Н. Букин. Напоминает И. П. Гурин о работе в области известных эвакуированных писателей. Из поколения фронтовиков – В. Астафьев, О. Селянкин, В. Воробьёв и другие, кому помогала в издании книг легендарная К. В. Рождественская.

«Глубинное погружение» в историю этого периода предприняли мы с внучкой, когда готовили исследование «Прикамье: В. П. Астафьев и творческий союз» на конкурс (МАЧ, г. Чусовой). Приведу некоторые тезисы работы: круг общения В. П. Астафьева – более 20 имён пермских писателей; наставниками были Б. Н. Назаровский, К. В. Рождественская, В. А. Черненко; годы дружбы с А. Ромашовым, А. Домниным и Л. Кузьминым были самыми счастливыми в его жизни; на Урале написаны, изданы книги: «Звездопад», «Кража», «Пастух и пастушка», «Перевал», «Последний поклон» (первая книга). Оживился писательский союз под председательством В. Якушева, читаем в книге, с выходом альманаха, газеты, изданием книг, награждением достойных орденом Достоевского и медалью имени А. Л. Решетова. Пусть будет пророческой мысль И. П. Гурина о том, что «Пермская писательская организация была, есть и наверняка будет одной из ведущих в России». Одарённую личность вычислить сложно, а Ивану Петровичу удаётся – видимо, дар такой послан свыше. Даже по переписке (тексты писем 80-х годов приведены) определил тогда редактор газеты «Маяк Прикамья» способного словесника, неординарного творческого человека В. Богомолова. «У нас с Виталием оказалось много общего», – пишет И. Гурин. Родом из Ординского района оба земляка, пережившие опасные для жизни случаи. Перечислены и другие совпадения. Добавлю малоизвестные гражданские поступки. И. П. Гурин спас от закрытия библиотеку-музей на родине моего отца – в селе Михино. Статью с веским доводом в защиту напечатали в «Звезде», и до сих пор «жив» очаг культуры. В. А. Богомолов поддержал протест активисток своего дома от застройки двора высоткой – удалось к радости жителей. Изданию книг начинающего писателя препятствовали бюрократы, Иван Петрович поддерживал собрата по перу – печатал рассказы в газете. «Пронзительная его проза социально-нравственной направленности была не ко двору властям». Крепкий характер В. Богомолова был близок наставнику в главном – «не поступаться совестью». И книги издаются у Виталия Анатольевича – уже больше десятка, и награды достаются, как и сердечные слова поклонников бескорыстно-активному писателю. Он в свою очередь выпустил документальную повесть «Вон парнишка бежит босиком», герой которой – «истинный поэт» Анатолий Гребнев. В главе «От «Версты Межовской» И. П. Гурин раскрыл свой талант как блестящий мастер художественно-публицистического жанра. Лирическое отступление в сцене прощания с опустевшим домом В. Богомолова, с природной благодатью родных мест, – воспринимается как стихи в прозе. Разговор друзей о ликвидации хозяйств на селе писатель переводит на политические размышления о причинах разорения. Публицистические монологи автора разворачиваются по многим мировым и российским проблемам. Придерживаясь мнения, что «подлинные факты сильнее любых выдумок», Иван Петрович смело раздвигает временные



границы и «увлекается» документальным разгромом коалиций, бизнесменов, либералов. «Но сама Россия выстоит наперекор всем». Такое стилевое разнообразие удерживает внимание читателя, склоняет к размышлению, и человек старается осознать происходящее и сверить свое мировосприятие.

Чтение книги доставляет мне удовольствие – стилевое, образное, герои становятся собеседниками, прислушиваюсь к мнению автора. «Сокровенное» открылось не только мне: читали книгу библиотекари, учителя. Общее мнение: как мало знаем о краевой литературе. И начали восполнять пробелы – знакомиться с творчеством прозаиков и поэтов.

Поэтическая натура И. П. Гурина преклоняется перед любовью женщины-матери, заботой и пониманием жены. Завораживающее женское обаяние и неземную красоту может воспеть только чувственная душа. И открываются сокровенные тайники слов, с помощью которых Иван Петрович создает многочисленные образы. Необыкновенную Любовь Ладейщикову он «окрестил златовлаской за золотые волосы и колдовские стихи». Дружба с Любой и её мужем-поэтом Ю. Конецким крепкая, и по тексту повести не раз встречаемся с семьей этой пары. И. Гурин называет Любовь Ладейщикову «одной из самых талантливых, прозорливых поэтов России» и отмечает её стремление «истину царям с улыбкой говорить». Каждый ли способен на бурю чувств от встречи с «девчонкой небывалой красоты» Ниной Ивановой из далёкой юности, чтобы передать словами силу эмоций: «зашёлся неистовой радостью». Иван Петрович делится с нами восторгом: «Любуюсь ею, не утратившей женственности». При первом знакомстве с Е. Л. Рождественской автор запечатлел внешний облик женщины – «причёска с завитушками и модный костюм». Позднее распознал её дар неугомонной заботы «защищать пермских поэтов и прозаиков», она для И. Гурина «союзница в сплачивании рядов писателей». Как человек «широкой души» Елена Леонидовна в повести и в жизни деятельна: «проводит писательские сходки», как и концерт Е. Родыгина, вечер 100-летнего юбилея матери К. В. Рождественской. «Редактирует, пишет книгу, опекает, навещает, защищает, пробивает публикации». Девушка с семинара молодых писателей – «Елена Соснина, поэтесса из Лысьвы» оценена взглядом настоящего мужчины, и готов у автора эпитет «немыслимо миловидная прелестница». И талантлива. Выход её сборника «Лирика» напутствовал М. Смородинов: «Стихи образны и напевны, мысль и чувство в них сливаются, как струи лесного ручья».

Писатель И. П. Гурин как требовательный стилист «отшлифовал» неповторимый язык повествования. Сила слога Ивана Петровича – в личности человека, впитавшего образную речь земляков – селян Шарынино, Медянки, Суды, Уинского. Текст повести украшают просторечные слова, которые живы в разговорной речи автора: гармоза (гармонь), шебутной, извинительная цидулка, мутузить, отбоярился, покусился на них, спознались, никчёмно, не абы кем и другие.

Повесть-эссе «Сокровенное» Ивана Петровича Гурина мы, читатели, воспринимаем как крупное убедительное произведение. Образное повествование и публицистические размышления автора – это уникальный материал для осмысления мира XXI века, роли в нём творческого человека.

Надежда ВЕРШИНИНА, г. Лысьва

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Пермская краевая общественная организация
Союза писателей России
Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011.

Главный редактор — В. В. Якушев
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. Богомолов — отдел прозы
В. Ф. Гладышев — отдел публицистики
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
Ответственный секретарь — А. С. Зеленин

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Все материалы принимаются в электронном виде.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
«ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 1 (23), 2017 г.
Подписано в печать 05.06.2017. По графику: 16.00. Фактически: 16.00.
Газета отпечатана в ООО «ЛИТЕРА»,
614540, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.
Заказ № 0709. Тираж 1000 экз.
Газета распространяется бесплатно.

Имеется возрастное ограничение: данное печатное издание предназначено для читателей старше 16 лет (16+)